

Пять Офелий в тёмной комнате

Анна ЧЕПУРНОВА
Фото Олимпиаи ОРЛОВОЙ

ЭЛЕКТРОТЕАТР СТАНИСЛАВСКИЙ ОТМЕЧАЕТ ДВУХЛЕТИЕ СО ДНЯ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ ВЫСТАВКОЙ «Пять истин» РЕЖИССЁРА КЭТИ МИТЧЕЛЛ. В 2011 году для лондонского Музея Виктории и Альберта она создала видеоинсталляцию, которая с тех пор побывала в нескольких европейских столицах и в Вашингтоне. В Россию выставка приехала впервые.

На стенах небольшой тёмной комнаты расположены пять пар экранов. Они синхронно показывают десятиминутные видео с актрисой Мишель Терри (лауреатом премии Лоуренса Оливье 2011 года за роль второго плана), которая играет сцену сумасшествия Офелии в разных интерпретациях – по методам пяти великих театральных режиссёров XX века: Константина Станиславского, Антонена Арто, Бертольта Брехта, Питера Брука и Ежи Гротовского. Эти видео очень отличаются друг от друга, хотя костюм актрисы неизменен, как и её реквизит: букет и пластиковый пакет, в котором сложены вещи убитого отца Офелии – его бумажник, часы, очки, фотографии.

В видеофрагменте, где Терри играет по системе Станиславского, её героиня долго и задумчиво курит. Перед нами дама-эмансипе с измученным видом. Чем-то она неудовимо напоминает чеховских героинь – пожалуй, такой могла бы стать Ирина из «Трёх сестёр» после десяти лет работы на своём телеграфе. В сцене смерти Офелии актриса, запрокидывая голову, погружает в воду последовательно сначала затылок, потом лоб, глаза, как бы отрешаясь, отказываясь от этой жизни. И хоть она до последней секунды дышит в кадре, кажется, что дух её уже отлетел.

У Офелии, сыгранной по системе Станиславского, дрожит в руке букетик с ромашками, зато в видео, иллюстрирующем метод Бертольта Брехта, героиня выглядит очень твёрдой и хладнокровной. Она аккуратно складывает отцовские вещи, красится, долго отрывисто поёт. Свет гаснет, а после Офелию показывают уже мёртвой – вид у неё столь же решительный и, похоже, на губах играет даже лёгкая улыбка.

Офелия по методу Питера Брука весьма изысканна. Она перебирает цветы в букете, нежно напевая, и мы замечаем, как красивы кисти её рук. Умирая, героиня ложится в воду, принимая ту самую позу, в которой её изобразил знаменитый прерафаэлит Джон Миллес. Примечательно, что позировавшая ему модель Элизабет Сиддал заболела, оттого что долго лежала в плохо прогретой ванне. И Мишель Терри на съёмках тоже простудилась, многократно погружаясь в воду.

В эпизоде, представляющем метод Антонена Арто, тема воды звучит не только в финальных кадрах. Значительную часть времени камера показывает Офелию сквозь призму аквариума, растягивая её лицо в чудовищные маски. Невольно вспоминается, что Арто написал сценарий к сюрреалистическому фильму, оказавшему большое влияние на Сальвадора Дали и Луиса Бунюэля.

Из всех пяти видео самым динамичным, наверное, можно назвать то, где актриса играет по методу Ежи Гротовского. Вначале мы слышим пронзительный крик, похожий на стон, камера при этом трясётся изо всех сил. Дальше Офелия произносит свой монолог – то лежа на полу, то застытая в странных позах, а камера фиксирует её в необычных ракурсах. В последней сцене героиня, как и положено утопленнице, распластана на воде лицом вниз. Перед тем как экран гаснет, вода под Офелией на несколько секунд начинает сильно бурлить, потом снова успокаивается.

Надо сказать, что «Пять истин» – это не та вещь, которая смотрится на одном дыхании. Действие практически каждого видеофрагмента (а не только посвящённого системе Станиславского) прерывается большими паузами, во многих местах речь актрисы довольно монотонна. К тому же пять Офелий в небольшом тёмном помещении постоянно перекрикивают друг друга, что, впрочем, создаёт определённый настрой – и зрителю приходит мысль, как бы самому не сойти с ума в этом замкнутом пространстве среди этих стонущих и умирающих женщин.

И конечно, синхронная трансляция видеосюжетов напоминает, что вообще-то все режиссёры, оммаж которым данная работа, так или иначе состояли во взаимодействии друг с другом. Более того, имена пяти великих реформаторов сцены всплывают на экранах всего на несколько секунд – только когда видеоролики заканчиваются и начинаются вновь. Таким образом, зрителю предлагается некий квест, то есть возможность самостоятельно догадаться, по какому методу на каком экране в данный момент играет Мишель Терри. Кстати, режиссёр Кэти Митчелл оптимистично полагает, что её работа будет понятна не только театралам, но и тем, кто смотрит спектакли нечасто.

Выставка продлится до 26 апреля.

Five Ophelias in the Dark Room

Anna CHEPURNOVA
Photos by Olympia ORLOVA

THE STANISLAVSKY ELECTROTREATHRE MARKS ITS SECOND ANNIVERSARY BY THE EXHIBITION “FIVE TRUTHS” DIRECTED BY KATIE MITCHELL. IN 2011, FOR LONDON’S VICTORIA AND ALBERT MUSEUM, SHE CREATED A VIDEO INSTALLATION, WHICH HAS VISITED SEVERAL EUROPEAN CAPITALS AND WASHINGTON SINCE. THE EXHIBITION CAME TO RUSSIA FOR THE FIRST TIME.

On the walls of a small dark room, there are five pairs of screens. They simultaneously show ten-minute video with actress Michelle Terry (a winner of Lawrence Olivier

Award for the secondary role in 2011), who plays the scene of Ophelia's madness in different interpretations – according to the methods of five great theatre directors of the 20th century: Konstantin Stanislavsky, Antonin Artaud, Bertolt Brecht, Peter Brook and Jerzy Grotowski. These videos are very different from each other, although the actress' costume is the same, like her props: a bouquet and a plastic bag with things of the murdered father of Ophelia – his wallet, his watch, glasses, and photographs.

On the video, where Terry follows the Stanislavsky system, her heroine thoughtfully smokes for a long time. We see an emancipated woman, with exhausted looks. Somehow she subtly resembles Chekhov's heroines – perhaps, this could be Irina from "Three Sisters" after ten years of work on the telegraph. In the scene of Ophelia's death, the actress, throwing back her head, submerges first the back of her head, then her forehead, eyes, as if giving up this life. Though she breathes till the last second on camera, it seems that her soul has already departed.

Ophelia, played by Stanislavsky system, delicately hold a bouquet of chamomiles in her hand, but on the video illustration of Bertolt Brecht's method, the heroine looks very solid and cold-blooded. She neatly folds her father's things, makes up, and sings abruptly for a long time. The light goes out, and after that Ophelia is shown dead – looking as determined as ever and a faint smile seems to play on her lips.

Ophelia by Peter Brook is very refined. She touches the flowers in the bouquet, gently humming, and we notice how beautiful her hands are. Dying, the heroine lies down on the water, taking the same position as in the picture of the famous Pre-Raphaelite John Milles. It is noteworthy that the model who was sitting to him, Elizabeth Siddal took ill, after staying in a badly heated bath for a long time. And Michelle Terry during shooting also caught cold, repeatedly plunging into the water.

In the episode, representing the method of Antonin Artaud, the theme of water sounds not only in final scenes. Most of the

time the camera shows Ophelia through the prism of an aquarium, stretching her face into monstrous masks.

Of all five videos, the most dynamic one, perhaps, is where the actress follows Jerzy Grotowski's method. At first, we hear a shrill cry, like a groan, while the camera shakes with all its might. Then Ophelia says her monologue – sometimes lying on the floor, then standing in strange poses, and the camera fixes it in unusual angles. In the final scene, the heroine is spreading on the water with her face down. Before the screen goes out, the water under Ophelia starts to boil for a few seconds, and then calms down again.

I must say that "Five Truths" is not the thing to take in one breath. Almost every video fragment (and not only one dedicated to Stanislavsky's system) is full of large pauses; in many a place the actress' speech is rather monotonous. In addition, the five Ophelias in a small dark room constantly shout over each other, which, however, creates certain mood – and the viewer starts thinking of how not to go crazy in the enclosed space among these moaning and dying women.

Certainly, simultaneous screening of video clips reminds that actually all the directors, whose homage is this work, somehow were interacting with each other. Moreover, the names of the five great stage reformers pop up on the screen for only few seconds. Thus, the viewer is offered a quest, to guess on his own, by what method on which screen is currently playing Michelle Terry. By the way, director Kathy Mitchell optimistically thinks that her work will be understood not only by theatregoers, but also by those who infrequently watch performances.

The exhibition is open until April 26.